

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

ПОСВЯЩЕНИЕ

*Герцогу Бехарскому, маркизу Хибралеонскому,
графу Беналькасарскому и Баньяресскому,
виконту Алькосерскому, сеньору Капильясскому,
Курбельскому и Бургильосскому¹*

Ввиду того что Вы, Ваша Светлость, принадлежа к числу вельмож, столь склонных поощрять изящные искусства, оказываете радушный и почетный прием всякого рода книгам, наипаче же таким, которые по своему благородству не унижаются до своекорыстного угождения черни, положил я выдать в свет «Хитроумного идадьго Дон Кихота Ламанчского» под защитой достопамятного имени Вашей Светлости и ныне, с тою почтительностью, какую внушает мне Ваше величие, молю Вас принять его под милостивое свое покровительство, дабы, хотя и лишенный драгоценных украшений изящества и учености, обычно составляющих убранство произведений, выходящих из-под пера людей просвещенных, дерзнул он под сенью Вашей Светлости бесстрашно предстать на суд тех, кто, выходя за пределы собственного невежества, имеет обыкновение при разборе чужих трудов выносить не столько справедливей, сколько суровый приговор, — Вы же, Ваша Светлость, вперив очи мудрости своей в мои благие намерения, надеюсь, не отвергнете столь слабого изъявления низжайшей моей преданности.

Мигель де Сервантес Сааведра

¹ Диего де Суньига, герцог Бехарский — испанский гранд и один из богатейших людей Кастилии того времени.

ПРОЛОГ

Досужий читатель! Ты и без клятвы можешь поверить, как хотелось бы мне, чтобы эта книга, плод моего разумения, являла собою верх красоты, изящества и глубокомыслия. Но отменить закон природы, согласно которому всякое живое существо порождает себе подобное, не в моей власти. А когда так, то что же иное мог породить бесплодный мой и неразвитый ум, если не повесть о костлявом, тощем, взбалмошном сыне, полном самых неожиданных мыслей, доселе никому не приходивших в голову, — словом, о таком, какого только и можно было породить в темнице¹, местопребывании всякого рода помех, обиталище одних лишь унылых звуков? Тихий уголок, покой, приветные долины, безоблачные небеса, журчащие ручьи, умиротворенный дух — вот что способно оплодотворить самую бесплодную музу и благодаря чему ее потомство, едва появившись на свет, преисполняет его восторгом и удивлением. Случается иной раз, что у кого-нибудь родится безобразный и нескладный сын, однако же любовь спешит наложить повязку на глаза отца, и он не только не замечает его недостатков,

¹ Сервантес как минимум дважды подвергался тюремному заключению — в 1597 и 1602 гг.

но, напротив того, в самых этих недостатках находит нечто остроумное и привлекательное и в разговоре с друзьями выдает их за образец сметливости и грации. Я же только считаюсь отцом Дон Кихота, — на самом деле я его отчим, и я не собираюсь идти проторенной дорогой и, как это делают иные, почти со слезами на глазах умолять тебя, дражайший читатель, простить моему детищу его недостатки или же посмотреть на них сквозь пальцы: ведь ты ему не родня и не друг, в твоём теле есть душа, воля у тебя столь же свободна, как у всякого многоопытного мужа, у себя дома ты так же властен распоряжаться, как король властен установить любой налог, и тебе должна быть известна поговорка: «Дай накроюсь моим плащом — тогда я расправлюсь и с королем». Все это избавляет тебя от необходимости льстить моему герою и освобождает от каких бы то ни было обязательств, — следовательно, ты можешь говорить об этой истории все, что тебе вздумается, не боясь, что тебя осудят, если ты станешь хулить ее, или же наградят, если похвалишь.

Единственно, чего бы я желал, — это чтобы она предстала пред тобой ничем не запятнанная и нагая, не украшенная ни прологом, ни бесчисленным множеством неизменных сонетов, эпиграмм и похвальных стихов, коими обыкновенно открывается у нас книга. Должен сознаться, что хотя я потратил на свою книгу немало труда, однако ж еще труднее было мне сочинить это самое предисловие, которое тебе предстоит прочесть. Много раз брался я за перо и много раз бросал, ибо не знал, о чем писать; но вот однажды, когда я, расстелив перед собой лист бумаги, заложив перо за ухо, облокотившись на письменный стол и подперев щеку ладонью, пребывал в нерешительности, ко мне зашел невзначай мой приятель, человек остроумный и здравомыслящий, и, видя, что я погружен в раздумье, осведомился о причине моей озабоченности, — я же, вовсе не намереваясь скрывать ее от моего друга, сказал, что обдумываю пролог к истории Дон Кихота, что у меня ничего не выходит и что из-за этого пролога у меня даже пропало желание выдать в свет книгу о подвигах столь благородного рыцаря.

— В самом деле, как же мне не бояться законодателя, издревле именуемого публикой, если после стольких лет, проведенных в тиши забвения, я, с тяжким грузом лет за плечами, ныне выношу на его суд сочинение сухое, как жердь, не блестящее выдумкой, не отличающееся ни красотами слога, ни игрою ума, не содержащее в себе никаких научных сведений и ничего назидательного,

без выносок на полях и примечаний в конце, меж тем как другие авторы уснащают свои книги, хотя бы даже и светские, принадлежащие к повествовательному роду, изречениями Аристотеля, Платона и всего сонма философов, чем приводят в восторг читателей и благодаря чему эти самые авторы сходят за людей начитанных, образованных и красноречивых? Это еще что, — они вам и Священное Писание процитируют! Право, можно подумать, что читаешь кого-нибудь вроде святого Фомы¹ или же другого учителя Церкви. При этом они мастера по части соблюдения приличий: на одной странице изобразят вам беспутного повесу, а на другой преподнесут куцую проповедь в христианском духе, до того трогательную, что читать ее или слушать — одно наслаждение и удовольствие. Все это отсутствует в моей книге, ибо нечего мне выносить на поля и не к чему делать примечания; более того: не имея понятия, каким авторам я следовал в этой книге, я не могу предпослать ей по заведенному обычаю хотя бы список имен в алфавитном порядке — список, в котором непременно значились бы и Аристотель, и Ксенофонт, даже Зоил и Зевксид, несмотря на то что один из них был просто ругатель, а другой художник². Не найдете вы в начале моей книги и сонетов — по крайней мере, сонетов, принадлежащих перу герцогов, маркизов, графов, епископов, дам или же самых знаменитых поэтов. Впрочем, обратись я к двум-трем из моих чиновных друзей, они написали бы для меня сонеты, да еще такие, с которыми и рядом нельзя было бы поставить творения наиболее чтимых испанских поэтов.

Словом, друг и государь мой, — продолжал я, — пусть уж сеньор Дон Кихот останется погребенным в ламанчских архивах до тех пор, пока Небо не пошлет ему кого-нибудь такого, кто украсит его всем, чего ему недостает. Ибо исправить свою книгу я не в состоянии, во-первых, потому, что я не довольно для этого образован и даровит, а во-вторых, потому, что врожденная лень и склонность к безделью мешают мне устремиться на поиски авторов, которые, кстати сказать, не сообщат мне ничего такого, чего бы я не

¹ *Фома Аквинский* (1225–1274) — философ и теолог, автор трактата «Сумма теологии».

² *Аристотель* (384–322 до н. э.) — древнегреческий философ и ученый; *Ксенофонт* (444–356 до н. э.) — древнегреческий писатель и историк; *Зоил* (IV в. до н. э.) — древнегреческий философ и ритор, один из первых критиков Гомера, что сделало его имя нарицательным для обозначения придирчивого и недоброжелательного критика; *Зевксид* (V–IV вв. до н. э.) — древнегреческий живописец.

знал и без них. Вот откуда проистекают мое недоумение и моя растерянность, — все, что я вам рассказал, служит достаточным к тому основанием.

Выслушав меня, приятель мой хлопнул себя по лбу и, разразившись хохотом, сказал:

— Ей-богу, дружище, только сейчас уразумел я, как я в вас ошибался: ведь за время нашего длительного знакомства все поступки ваши убеждали меня в том, что я имею дело с человеком рассудительным и благоразумным. Но теперь я вижу, что мое представление о вас так же далеко от истины, как небо от земли. В самом деле, как могло случиться, что столь незначительные и легко устранимые препятствия смутили и озадачили ваш зрелый ум, привыкший с честью выходить из более затруднительных положений? Ручаюсь, что дело тут не в неумении, а в избытке лени и в вялости мысли. Хотите, я вам докажу, что я прав? В таком случае слушайте меня внимательно, и вы увидите, как я в мгновение ока смету с вашего пути все преграды и восполню все пробелы, которые якобы смущают вас и повергают в такое уныние, что вы уже не решаетесь выпустить на свет божий повесть о славном вашем Дон Кихоте, светоче и зеркале всего странствующего рыцарства.

— Ну так объясните же, — выслушав его, вскричал я, — каким образом надеетесь вы извлечь меня из пучины страха и озарить хаос моего смятения?

На это он мне ответил так:

— Прежде всего у вас вышла заминка с сонетами, эпиграммами и похвальными стихами, которые вам хотелось бы поместить в начале книги и которые должны быть написаны особами важными и титулованными, — это уладить легко. Возьмите на себя труд и сочините их сами, а затем, окрестив, дайте им любые имена: пусть их усыновит — ну хоть пресвитер Иоанн Индийский или же император Трапезундский¹, о которых, сколько мне известно, сохранилось предание, что это были отменные стихотворцы. Если же дело обстоит иначе и если иные педанты и бакалавры станут шипеть и жалить вас исподтишка, то не принимайте этого близко к сердцу: ведь если даже вас и уличат во лжи, то руку, которою вы будете это писать, вам все-таки не отрубят.

¹ *Пресвитер Иоанн* — правитель легендарного восточного христианского царства, предположительно располагавшегося в Индии. *Трапезунд* — город на южном побережье Черного моря. В 1204 г. Алексей Комнин основал там Трапезундское царство, просуществовавшее вплоть до 1461 г.

Что касается ссылок на полях — ссылок на авторов и на те произведения, откуда вы позаимствуете для своей книги сентенции и изречения, то вам стоит лишь привести к месту такие сентенции и латинские поговорки, которые вы знаете наизусть, или, по крайней мере, такие, которые вам не составит труда отыскать, — так, например, заговорив о свободе и рабстве, вставьте:

Non bene pro toto libertas venditur auro¹ —

и тут же на полях отметьте, что это написал, положим, Гораций или кто-нибудь еще. Зайдет ли речь о всеильной смерти, спешите опереться на другую цитату:

Pallida mors aequo pulsat pede pauperum tabernas
Regumque turres².

Зайдет ли речь о том, что Господь заповедал хранить в сердце любовь и дружеское расположение к недругам нашим, — нима-ло не медля сошлитесь на Священное Писание, что доступно всякому мало-мальски сведущему человеку, и произнесите слова, сказанные не кем-либо, а самим Господом Богом: *Ego autem dico vobis: diligite inimicos vestros*³. ЕСЛИ О ДУРНЫХ ПОМЫСЛАХ — СНОВА ОБРАТИТЕСЬ К ЕВАНГЕЛИЮ: *De corde exeunt cogitationes malae*⁴. ЕСЛИ О НЕПОСТОЯНСТВЕ ДРУЗЕЙ — К ВАШИМ УСЛУГАМ КАТОН СО СВОИМ ДВУСТИШИЕМ:

Donec eris felix, multos numerabis amicos,
Tempora si fuerint nubila, solus eris⁵.

И так благодаря латинщине и прочему тому подобному вы прослывете по меньшей мере грамматиком, а в наше время звание это приносит немалую известность и немалый доход.

Что касается примечаний в конце книги, то вы смело можете сделать так: если в вашей повести упоминается какой-нибудь

¹ Свободу не следует продавать ни за какие деньги (*лат.*).

² Бледная ломится Смерть одною и тою же ногою в лачуги бедных и в царей чертоги (*лат.*). — Гораций, «Оды», 1, 4, 13–14 (пер. А. Семенова-Тян-Шанского).

³ А я говорю вам: любите врагов ваших (*лат.*) (Мф. 5: 44).

⁴ Из сердца исходят злые помыслы (*лат.*) (Мф. 15: 19).

⁵ Не сосчитать друзей, пока благоденствие длится, / Если же небо твое хмурится, ты одинок (*лат.*). — Сервантес приписывает эти строки Дионисию Катону. В действительности это Овидий («Скорбные элегии», I, 9, 5–6. Пер. Н. Вольпин).

цвеликан, назовите его Голиафом, — вам это ничего не будет стоить, а между тем у вас уже готово обширное примечание в таком роде: «Великан Голиаф — филистимлянин, коего пастух Давид в Теревиндской долине поразил камнем из пращи, как о том повествуется в Книге Царств, в главе такой-то»¹.

Затем, если вы хотите сойти за человека, отлично разбирающегося в светских науках, а равно и за космографа, постарайтесь упомянуть в своей книге реку Тахо, — вот вам еще одно великолепное примечание, а именно: «Река Тахо названа так по имени одного из королей всех Испаний; берет начало там-то и, омывая стены славного города Лиссабона, впадает в Море-Океан; существует предположение, что на дне ее имеется золотой песок...» и так далее. Зайдет ли речь о ворах — я расскажу вам историю Какоса², которую я знаю наизубок; о падших ли женщинах — к вашим услугам епископ Мондоньедский³: он предоставит в ваше распоряжение Ламию, Лаиду и Флору, ссылка же на него придаст вам немалый вес; о женщинах жестоких — Овидий преподнесет вам свою Медею; о волшебницах ли и колдуньях — у Гомера имеется для вас Калипсо, а у Вергилия — Цирцея; о храбрых ли полководцах — Юлий Цезарь в своих «Записках»⁴ предоставит в ваше распоряжение собственную свою персону, а Плутарх⁵ наградит вас тьмой Александров. Если речь пойдет о любви — зная два-три слова по-тоscanски, вы без труда сговоритесь со Львом Иудеем⁶, а уж от него с пустыми руками вы не уйдете. Если же вам не захочется скитаться по чужим странам, то у себя дома вы найдете трактат Фонсеки⁷ «О любви к Богу», который и вас, и даже более искушенных в этой области читателей удовлетворит вполне. Итак, вам остается лишь упомянуть все эти имена и сослаться на те произведения, которые я вам назвал, примечания же и выноски поручите

¹ Книга Царств, глава 17.

² *Какос* (др.-греч. *Καχός* — плохой, уродливый) — сын бога Гефеста, огнедышащий великан-людоед со склонностью ко всяким каверзам. Украл у Геракла быков из Герионова стада, за что и поплатился жизнью.

³ *Антонио де Гевара* (1480–1545) — епископ Гуадиса и Мондоньедо, автор «Золотой книги Марка Аврелия».

⁴ Гай Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне (*Commentarii de Bello Gallico*).

⁵ *Плутарх* (ок. 45 — ок. 127 н. э.) — древнегреческий философ, биограф.

⁶ *Лев Иудей* — псевдоним Иегуды Абрабанеля (1460–1521), автора трактата «Беседы о любви».

⁷ *Кристоваль Фонсека* (1550–1621) — монах-августинец, чей трактат «О любви к Богу» увидел свет в 1592 г.

мне: клянусь, что поля вашей повести будут испещрены выносками, а примечания в конце книги займут несколько листов.

Теперь перейдем к списку авторов, который во всех других книгах имеется и которого недостает вашей. Это беда поправимая: постарайтесь только отыскать книгу, к коей был бы приложен наиболее полный список, составленный, как вы говорите, в алфавитном порядке, и вот этот алфавитный указатель вставьте-ка в свою книгу. И если даже и выйдет наружу обман, ибо вряд ли вы в самом деле что-нибудь у этих авторов позаимствуете, то не придавайте этому значения: кто знает, может быть, и найдутся такие простаки, которые поверят, что вы и точно прибегали к этим авторам в своей простой и бесхитростной книге. Следственно, в крайнем случае этот длиннейший список будет вам хоть тем полезен, что совершенно для вас неожиданно придаст книге вашей известную внушительность. К тому же вряд ли кто станет проверять, следовали вы кому-либо из этих авторов или не следовали, ибо никому от этого ни тепло ни холодно. Тем более что, сколько я понимаю, книга ваша не нуждается ни в одном из тех украшений, которых, как вам кажется, ей недостает, ибо вся она есть сплошное обличие рыцарских романов, а о них и не помышлял Аристотель, ничего не говорил Василий Великий и не имел ни малейшего представления Цицерон¹. Побасенки ее ничего общего не имеют ни с поисками непреложной истины, ни с наблюдениями астрологов; ей незачем прибегать ни к геометрическим измерениям, ни к способу опровержения доказательств, коим пользуется риторика; она ничего решительно не проповедует и не смешивает Божеского с человеческим, какового смешения надлежит остерегаться всякому разумному христианину. Ваше дело — подражать природе, ибо чем искуснее автор ей подражает, тем ближе к совершенству его писания. И коль скоро единственная цель вашего сочинения — свергнуть власть рыцарских романов и свести на нет широкое распространение, какое получили они в высшем обществе и у простонародья, то и незачем вам выпрашивать у философов изречений, у Священного Писания — поучений, у поэтов — сказок, у риториков — речей, у святых — чудес; лучше позаботьтесь о том, чтобы все слова ваши были понятны, пристойны и правильно расположены, чтобы каждое предложение и каждый ваш пе-

¹ *Василий Великий, Кесарийский* (ок. 330–379) — один из Отцов Церкви; *Марк Туллий Цицерон* (106–43 до н. э.) — древнеримский политик, оратор, писатель.

риод, затейливый и полнозвучный, с наивозможной и доступной вам простотой и живостью передавали то, что вы хотите сказать; выражайтесь яснее, не запутывая и не затемняя смысла. Позаботьтесь также о том, чтобы, читая вашу повесть, меланхолик рассмеялся, весельчак стал еще веселее, простаки не соскучились, разумный пришел в восторг от вашей выдумки, степенный не осудил ее, мудрый не мог не воздать ей хвалу. Одним словом, неустанно стремитесь к тому, чтобы разрушить шаткое сооружение рыцарских романов, ибо хотя у многих они вызывают отвращение, но сколько еще превозносят их! И если вы своего добьетесь, то знайте, что вами сделано немало.

С великим вниманием слушал я моего приятеля, и его слова так ярко запечатлелись в моей памяти, что, не вступая ни в какие пререкания, я тут же с ним согласился и из этих его рассуждений решил составить пролог; ты же, благосклонный читатель, можешь теперь судить об уме моего друга, поймешь, какая это была для меня удача — в трудную минуту найти такого советчика, и почувствуешь облегчение при мысли о том, что история славного Дон Кихота Ламанчского дойдет до тебя без всяких обиняков, во всей своей непосредственности, а ведь вся Монтельская округа говорит в один голос, что это был целомудреннейший из любовников и храбрейший из рыцарей, какие когда-либо в том краю появлялись. Однако ж, знакомя тебя с таким благородным и таким достойным рыцарем, я не собираюсь преувеличивать ценность своей услуги; я хочу одного — чтобы ты был признателен мне за знакомство с его славным оруженосцем Санчо Пансою, ибо, по моему мнению, я воплотил в нем все лучшие качества оруженосца, тогда как в ворохе бессодержательных рыцарских романов мелькают лишь разрозненные его черты. Засим молю Бога, чтобы он и тебе послал здоровья, и меня не оставил. *Vale*¹.

¹ Прощай, будь здоров (*лат.*).

НА КНИГУ О ДОН КИХОТЕ ЛАМАНЧСКОМ
УРГАНДА НЕУЛОВИМАЯ¹

Если к тем, кто мыслит здра-,
Адресуешься ты, кни-,
Не грозят тебе упре-
В том, что чепуху ты ме-;
Если же неосторож-
Дашься в руки дурале-,
То от них немало вздо-
О самой себе услы-,
Хоть они из кожи ле-,
Чтоб учеными казать-.

Опыт учит: чем пышне-
Древо расцвело на солн-,
Тем под ним в жару прохлад-.
Вот ты в Бэхар и отправь-:
Там есть царственное дре-,

На котором принцы зре-,
И блистает между ни-
Герцог, равный Александ-,
В чьей тени ищи прию-.
Смелого удача лю-!

¹ Комментарий ко всему стихотворению: *Урганда* — волшебница, покровительница Амадиса, главного героя романа «Амадис Галльский»; могла изменять облик, за что и получила прозвище. *Бехар* — область в провинции Саламанка в Испании. *Дульсинея* — имя образовано от «dolche» (сладкая, нежная). *Неистовый Роланд* (Орландо) — главный герой одноименной поэмы Лодовико Ариосто (1474–1533). *Ганнибал* (ок. 245–183 до н. э.) — карфагенский полководец. *Альваро де Луна* — фаворит кастильского короля Хуана II, казнен в 1453 г. *Король Франциск* — французский король, взятый в плен испанцами в сражении при Павии (1525). *Хуан Латиню* — чернокожий воспитанник испанского вельможи, женившийся на дочери управляющего и получивший кафедру грамматики в Гранадском университете.

Расскажи о приключень-
Дворянина из Ламан-,
У кого от книг неле-
Ум совсем зашел за ра-
Дамы, рыцари, турни-
Голову ему вскружи-,
И с Неистовым Ролан-
Стал тягаться он: влюбил-
И решил мечом добить-
Дульсинеи из Тобо-.

Титульный свой лист не взду-
Авторским гербом укра-:
В картах лишняя фигу-
Нам очков не прибавля-.
В предисловье будь смирен-,
Пусть об авторе не ска-:
«Он сравнится с Ганниба-,
Альваро де Луной хо-
Или с королем Францис-,
Свой удел в плену клянун-!»

Раз не столь умен твой ав-,
Как Хуан Латино слав-,
Негр, ученостью извест-,
Щеголять не смей латынь-.
Раз где тонко, там и рвет-,
Древних всуе не цити-,
А не то иной чита-
Разберется, в чем тут де-,
И подумает с улыб-:
«Что же ты меня моро-?»

Бойся длинных описа-
И не лезь героям в ду-,
Ибо там всегда потем-,
А в потемках ногу сло-.
Избегай играть слова:
Острякам дают по шап-,
Но, усилий не жале-,
Добивайся доброй сла-,
Ибо сочинитель глу-
Есть предмет насмешек веч-.

Не забудь, что, квартиру-
В доме со стеклянной кры-,
Неразумно брать булыж-
И швыряться им в сосе-;
Что достойный литера-
Осмотрителен и сдер-;
И что только тот, кто пор-
Безответную бума-,
Чтобы потешать куха-,
Пишет через пень-коло-.

АМАДИС ГАЛЛЬСКИЙ
ДОН КИХОТУ ЛАМАНЧСКОМУ

Сонет

Тебе, кому достался тот удел,
Какой познал я сам, когда, влюбленный
И с милою безвинно разлученный,
Над Бедною Стремниною¹ скорбел;

Тебе, кто зной и холод претерпел,
Кто жажду утолял слезой соленой,
Кто, серебра и медяков лишенный,
Дары земли с земли срывал и ел,

Вкушать бессмертье суждено, покуда
Своих коней бичом стремится вперед
В четвертом небе Феб золотокудрый.

Неустрашимым прослывешь ты всюду,
Твоя страна все страны превзойдет,
Всех авторов затмит твой автор мудрый.

¹ *Бедная Стремнина* — обитель на скале, куда удалился Амадис Галльский, впад в немилость своей возлюбленной Орианы.

ДОН БЕЛЬЯНИС ГРЕЧЕСКИЙ¹
ДОН КИХОТУ ЛАМАНЧСКОМУ

Сонет

Я бил, колол, сражал, крушил, громил,
Мстил тем, кто зло творит, живет обманом,
И ловкостью, отвагой, пылом бранным
Всех странствующих рыцарей затмил.

Хранил я верность той, кому был мил;
Как с карликом, справлялся с великаном;
С оружием прошел по многим странам
И честь свою нигде не посрамил.

Служила мне удача, как рабыня,
И случай я за чуб с собой волок,
По тропам и путям судьбы плутая;

Но хоть меня возносит слава ныне
Намного выше, чем луна свой рог,
Я зависть, Дон Кихот, к тебе питаю.

¹ *Бельянис Греческий* — герой рыцарского романа.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Посвящение	7
Пролог	9
ГЛАВА ПЕРВАЯ, повествующая о нраве и образе жизни славного идалъго <i>Дон Кихота Ламанчского</i>	29
ГЛАВА ВТОРАЯ, повествующая о первом выезде хитроумного <i>Дон Кихота</i> <i>из его владений</i>	36
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в коей рассказывается о том, каким забавным способом <i>Дон Кихот</i> был посвящен в рыцари	43
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. О том, что случилось с рыцарем нашим, <i>когда он выехал с постоялого двора</i>	51
ГЛАВА ПЯТАЯ, в коей продолжается рассказ о злоключении нашего рыцаря ...	59
ГЛАВА ШЕСТАЯ. О тщательнейшем и забавном осмотре, который священник и цирюльник произвели в книгохранилище хитроумного нашего идалъго	65
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. О втором выезде доброго нашего рыцаря <i>Дон Кихота Ламанчского</i>	73
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. О славной победе, одержанной доблестным <i>Дон Кихотом</i> в страшной и доселе неслыханной битве с ветряными мельницами, равно как и о других событиях, о которых мы не без приятности упомянем	79
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, повествующая об исходе и конце необычайного поединка <i>между неустрашимым бискайцем и отважным ламанцем</i>	89
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Об остроумной беседе, которую вели между собой <i>Дон Кихот</i> и его оруженосец <i>Санчо Панса</i>	95
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. О чем говорил <i>Дон Кихот</i> с козопасами	102
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. Что некий козопас рассказал тем, <i>кто был с Дон Кихотом</i>	108
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, содержащая конец повести о пастушке <i>Марселе</i> и повествующая о других происшествиях	114
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в коей приводятся проникнутые отчаянием стихи покойного пастуха и описываются разные нечаянные происшествия	124
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, в коей рассказывается о злополучном приключении <i>Дон Кихота</i> с бесчеловечными ягуасами	132
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. О том, что случилось с хитроумным идалъго на постоялом дворе, который он принял за некий замок	140
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, в коей описываются новые неисчислимые бедствия, ожидавшие мужественного <i>Дон Кихота</i> и его верного оруженосца <i>Санчо Пансу</i> на постоялом дворе, который наш рыцарь, на свое несчастье, принял за некий замок	149
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ, содержащая замечания, коими <i>Санчо Панса</i> поделился со своим господином <i>Дон Кихотом</i> , и повествующая о разных достойных упоминания событий	158
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. О глубокомысленных замечаниях, коими <i>Санчо</i> поделился со своим господином, о приключении с мертвым телом, равно как и о других необычайных происшествиях	171

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. <i>О доселе невиданном и неслыханном подвиге, какого ни один славный рыцарь на свете не совершал с меньшим для себя опасностью, чем доблестный Дон Кихот Ламанчский</i>	179
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ, <i>повествующая о великом приключении, ознаменованном ценным приобретением в виде Мамбринова шлема, а равно и о других происшествиях, которые случились с нашим непобедимым рыцарем</i>	193
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. <i>О том, как Дон Кихот освободил многих несчастных, которых насильно вели туда, куда они не имели ни малейшего желания идти</i>	206
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. <i>О том, что случилось с прославленным Дон Кихотом в Сьерра-Морене, то есть об одном из самых редких приключений, о которых идет речь в правдивой этой истории</i>	217
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ, <i>в коей продолжается рассказ о приключении в Сьерра-Морене</i>	231
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ, <i>повествующая о необычайных происшествиях, случившихся в Сьерра-Морене с отважным рыцарем Ламанчским, и о покаянии, которое он по примеру Мрачного Красавца на себя наложил</i>	240
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ, <i>в коей речь идет о новых странных поступках, которые Дон Кихот в качестве влюбленного почел за нужное совершить в Сьерра-Морене</i>	259
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. <i>О том, как священник и цирюльник справились со своею задачей, а равно и о других вещах, достойных упоминания на страницах великой этой истории</i>	268
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ, <i>повествующая о новом занятом происшествии, случившемся со священником и цирюльником в тех же самых горах</i>	284
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ, <i>повествующая о том, каким забавным и хитроумным способом влюбленный наш рыцарь избавлен был от презрительного покаяния, которое он на себя наложил</i>	299
ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ, <i>повествующая о находчивости прелестной Доротеи и еще кое о чем, весьма приятном и увлекательном</i>	311
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ. <i>О любопытной беседе, которую вели между собою Дон Кихот и его оруженосец Санчо Панса, равно как и о других происшествиях</i>	322
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ, <i>повествующая о том, что произошло с Дон Кихотом и со всей его свитой на постоялом дворе</i>	332
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ, <i>в коей рассказывается повесть о Безрассудно-любопытном</i>	339
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ, <i>в коей следует продолжение повести о Безрассудно-любопытном</i>	356
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ, <i>в коей речь идет о жестокой и беспримерной битве Дон Кихота с бурдюками красного вина и оканчивается повесть о Безрассудно-любопытном</i>	375
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ, <i>в коей речь идет о других редких происшествиях, на постоялом дворе случившихся</i>	384
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ, <i>содержащая продолжение истории славной инфанты Микомиконь и повествующая о других забавных приключениях</i>	393
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ, <i>в коей приводится любопытная речь Дон Кихота о военном поприще и учености</i>	403
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ, <i>в коей пленник рассказывает о своей жизни и об ее превратностях</i>	406
ГЛАВА СОРОКОВАЯ, <i>в коей следует продолжение истории пленника</i>	414
ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ, <i>в коей пленник все еще продолжает свой рассказ</i>	425

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ, повествующая о том, что еще случилось на постоялом дворе, и о многих других достойных внимания вещах	445
ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ, в коей рассказывается занятная история погонщика мулов и описываются другие необычайные происшествия, на постоялом дворе случившиеся	452
ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ, в коей продолжается рассказ о неслыханных происшествиях на постоялом дворе	462
ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ, в коей окончательно разрешаются сомнения по поводу Мамбриново шлема и седла, а также со всею возможною правдивостью повествуется о других приключениях	471
ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ. О достопримечательном приключении со стражниками и о великой свирепости доброго нашего рыцаря Дон Кихота ..	479
ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ. О том, каким необыкновенным способом был очарован Дон Кихот, равно как и о других достопамятных событиях	489
ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ, в коей каноник продолжает рассуждать о рыцарских романах, равно как и о других предметах, достойных его ума	499
ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ, в коей приводится дельный разговор между Санчо Пансою и его господином Дон Кихотом.	507
ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ. Об остроумном словопрени, имевшем место между Дон Кихотом и каноником, равно как и о других событиях	515
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ, в коей приводится все, что козопас рассказал сопровождавшим Дон Кихота.	521
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ. О стычке Дон Кихота с козопасом и о редкостном приключении с бичующимися, которое Дон Кихот, изрядно попотев, довел до победного конца	527

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Пролог. К читателю	545
ГЛАВА ПЕРВАЯ. О разговоре, который священник и цирюльник вели с Дон Кихотом касательно его болезни	549
ГЛАВА ВТОРАЯ, повествующая о достопримечательном пререкании Санчо Пансы с племянницею и ключницею Дон-Кихотовыми, равно как и о других забавных вещах	561
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Об уморительном разговоре, происходившем между Дон Кихотом, Санчо Пансою и бакалавром Самсоном Карраско	566
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в коей Санчо Панса разрешает недоуменные вопросы бакалавра Самсона Карраско, а также происходят события, о которых стоит узнать и рассказать	575
ГЛАВА ПЯТАЯ. Об остроумной и забавной беседе, какую вели между собой Санчо Панса и супруга его Тереса Панса, равно как и о других происшествиях, о которых мы не без приятности упомянем	580
ГЛАВА ШЕСТАЯ. О чем обменялся мнениями Дон Кихот со своею племянницею и ключницею, и это одна из самых важных глав во всей истории	587
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. О чем говорили между собой Дон Кихот и его оруженосец, равно как и о других достославных происшествиях	593
ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в коей рассказывается о том, что произошло с Дон Кихотом по дороге к сеньоре Дульсинее Тобосской.	600
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в коей рассказывается о том, что из нее будет видно	609

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой рассказывается о том, как ловко удалось Санчо околдовать Дульсинею, а равно и о других событиях, столь же смешных, сколь и подлинных	613
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. О необычайном приключении доблестного Дон Кихота с колесницей, то есть с телегой Судилища Смерти	623
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. О необычайном приключении доблестного Дон Кихота с отважным Рыцарем Зеркал	629
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой продолжается приключение с Рыцарем Леса и приводится разумное, мирное и из ряду вон выходящее собеседование двух оруженосцев	636
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой продолжается приключение с Рыцарем Леса	642
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, в которой рассказывается и сообщается о том, кто такие были Рыцарь Зеркал и его оруженосец	654
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. О том, что произошло между Дон Кихотом и одним рассудительным ламанчским дворянином	656
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, из которой явствует, каких вершин и пределов могло достигнуть и достигло неслыханное мужество Дон Кихота, и в которой речь идет о приключении со львами, которое Дон Кихоту удалось счастливо завершить ...	665
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. О том, что случилось с Дон Кихотом в замке, то есть в доме Рыцаря Зеленого Плаща, равно как и о других необыкновенных событиях	676
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ, в которой рассказывается о приключении с влюбленным пастухом, равно как и о других поистине забавных происшествиях	686
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ, в которой рассказывается о свадьбе Камачо Богатого и о происшествии с Басилью Бедным	693
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ, в которой продолжается свадьба Камачо и происходят другие занятные события	702
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ, в которой рассказывается о великом приключении в пещере Монтесиноса, в самом сердце Ламанчи, каковое приключение для доблестного Дон Кихота Ламанчского полным увенчалось успехом	709
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. Об удивительных вещах, которые, по словам неукротимого Дон Кихота, довелось ему видеть в глубокой пещере Монтесиноса, настолько невероятных и потрясающих, что подлинность приключения сего находится под сомнением	719
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ, в которой речь идет о всяких безделицах, столь же несуразных, сколь и необходимых для правильного понимания великой этой истории	731
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ, в которой завязывается приключение с ослиным ревом и забавное приключение с неким раешником, а также приводятся достопамятные прорицания обезьяны-прорицательницы	738
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ, в которой продолжается забавное приключение с раешником и повествуется о других поистине превосходных вещах	748
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ, в которой поясняется, кто такие были маэсе Педро и его обезьяна, и рассказывается о неудачном для Дон Кихота исходе приключения с ослиным ревом, которое окончилось не так, как он хотел и рассчитывал	758
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ. О событиях, которые, как говорит Бен-инхали, станут известны тому, кто о них прочтет, если только он будет читать со вниманием	765
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ. О славном приключении с заколдованною ладьею	770

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ. <i>О том, что произошло между Дон Кихотом и прекрасной охотницей</i>	778
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ, <i>повествующая о многих великих событиях</i> ...	785
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ. <i>О том, как Дон Кихот ответил своему хулителю, а равно и о других происшествиях — и важных, и забавных</i>	795
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. <i>О приятной беседе герцогини и ее горничных девушек с Санчо, достойной быть прочитанною и отмеченною</i>	808
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ, <i>в коей рассказывается о том, как был изобретен способ расколдовать несравненную Дульсинею Тобосскую, что составляет одно из наиславнейших приключений во всей этой книге</i>	815
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ, <i>в коей продолжается рассказ о том, как Дон Кихот узнал о способе расколдовать Дульсинею, а равно и о других удивительных происшествиях</i>	824
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ, <i>в коей рассказывается о необычайном и невообразимом приключении с дуэньей Гореваной, иначе называемой графиней Трифальди, и приводится письмо, которое Санчо Панса написал жене своей Тересе Панса</i>	831
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ, <i>в коей продолжается славное приключение с дуэньей Гореваной</i>	837
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ, <i>в коей приводится рассказ дуэньи Гореваной о ее доле</i>	839
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ, <i>в коей Трифальди продолжает удивительную свою и приснопамятную историю</i>	846
ГЛАВА СОРОКОВАЯ. <i>О вещах, имеющих отношение и касательство к этому приключению и к приснопамятной этой истории</i>	849
ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ. <i>О том, как появился Клавильеню, и о том, чем кончилось затянувшееся это приключение</i>	854
ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ. <i>О советах, которые Дон Кихот преподал Санчо Пансе перед тем, как тот отправился управлять островом, а равно и о других весьма важных вещах</i>	866
ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ. <i>О второй части советов, преподанных Дон Кихотом Санчо Пансе</i>	871
ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ. <i>О том, как Санчо Панса принял бразды правления, и об одном необычайном приключении Дон Кихота в герцогском замке</i>	878
ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ. <i>О том, как премудрый Санчо Панса вступил во владение своим островом и как он начал им управлять</i>	888
ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ. <i>Об ужасающей кутерьме с колокольчиками и котами, прервавшей объяснения Дон Кихота с влюбленную Альтисидорою</i>	896
ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ, <i>в коей продолжается рассказ о том, как Санчо Панса вел себя в должности губернатора</i>	900
ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ. <i>О том, что произошло между Дон Кихотом и дуэньей герцогини доньей Родригес, равно как и о других событиях, достойных записи и увековечения</i>	910
ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ. <i>О том, что случилось с Санчо Пансою, пока он дозором обходил остров</i>	918
ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ, <i>в коей выясняется, кто были сии волшебники и палачи, которые высекли дуэнью и исцупали и поцарапали Дон Кихота, и повествуется о том, как паж герцогини доставил письмо Тересе Панса, жене Санчо Пансы</i>	929
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ. <i>О том, как Санчо Панса губернаторствовал далее, а равно и о других поистине славных происшествиях</i>	938
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ, <i>в коей рассказывается о приключении с другой дуэньей, тоже Гореваной, или, иначе, Прискорбией, другими словами — с доньей Родригес</i>	947

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ. <i>О злополучном конце и исходе губернаторства Санчо Пансы</i>	953
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ, <i>в коей речь идет о вещах, касающихся именно этой истории и никакой другой</i>	961
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ. <i>О том, что произошло с Санчо в дороге, равно как и о других прелюбопытных вещах</i>	969
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ. <i>О беспримерном и доселе невиданном поединке между Дон Кихотом Ламанским, вступившимся за честь дочери дуэньи доньи Родригес, и лакеем Тосилосом</i>	977
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ, <i>повествующая о том, как Дон Кихот расстался с герцогом, а также о том, что произошло между ним и бойкой и бедовой Альтисидорой, горничной девишкой герцогини</i>	982
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ, <i>в коей речь идет о том, как на Дон Кихота посыпалось столько приключений, что они не давали ему передышки</i>	986
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ, <i>в коей рассказывается об из ряду вон выходящем происшествии, случившемся с Дон Кихотом и могущем сойти за приключение</i>	998
ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ. <i>О том, что случилось с Дон Кихотом на пути в Барселону</i>	1006
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ. <i>О том, что случилось с Дон Кихотом при въезде в Барселону, равно как и о других вещах, вполне правдоподобных при всей их видимой нелепости</i>	1021
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ, <i>повествующая о приключении с волшебной головою, равно как и о прочих безделицах, о коих невозможно не рассказать</i> ..	1024
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ, <i>повествующая о несчастии, постигшем Санчо Пансу во время осмотра галер, и о необычайном приключении с прекрасною мавританкою</i>	1038
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ, <i>повествующая о приключении, которое принесло Дон Кихоту больше горя, нежели все, какие до сих пор у него были</i> ..	1047
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ, <i>в коей сообщается о том, кто был Рыцарь Белой Луны, и повествуется об освобождении дона Грегорью, равно как и о других событиях</i>	1053
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ, <i>в коей излагается то, о чем читатель прочтет, а слушатель услышит</i>	1059
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ. <i>О том, как Дон Кихот принял решение стать пастухом и до истечения годичного срока жить среди полей, равно как и о других вещах, поистине приятных и превосходных</i>	1065
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ. <i>Об одном свинском приключении, выпавшем на долю Дон Кихота</i>	1071
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ. <i>О наиболее редкостном и наиболее изумительном из всех происшествий, какие на протяжении великой этой истории с Дон Кихотом случались</i>	1076
ГЛАВА СЕМИДЕСЯТАЯ, <i>следующая за шестьдесят девятой и повествующая о вещах, не лишнии для правильного понимания этой истории</i>	1081
ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ. <i>О том, что случилось с Дон Кихотом и его оруженосцем Санчо, когда они ехали в свое село</i>	1089
ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ. <i>О том, как Дон Кихот и Санчо прибыли в свое село</i>	1095
ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ. <i>О знамениях, следовавших при въезде Дон Кихота в его село, равно как и о других событиях, служащих к украшению и влиющему правдоподобию великой этой истории</i>	1101
ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ. <i>О том, как Дон Кихот занемог, о составленном им завещании и о его кончине</i>	1106